

Шэнь Чжинань втайне разглядывал этого незваного гостя. Он старался держаться холодно, пытаясь своим отчужденным видом заставить незнакомца отступить.

Молодой человек с красными волосами был статен и походил на альфу. В уголках его глаз, слегка приподнятых к вискам, мерцал лисий, плутоватый огонек.

Шэнь Чжинань повидал в Имперской столице немало людей и считал, что обладает неплохой памятью, но в его воспоминаниях не было этого странного рыжеволосого мужчины.

— Ничего особенного. Увидел такую прекрасную красавицу, прогуливающуюся в одиночестве у озера, и не удержался, решил подойти, — мужчина не только выглядел легкомысленно, но и говорил в той же манере. Он небрежно сорвал у озера цветок, слегка склонился и протянул его Шэнь Чжинаню. — Цветы к лицу красавцу.

— Я вас не знаю, — Шэнь Чжинань слегка нахмурился, не приняв цветок. Он обошел рыжеволосого и направился туда, где было больше людей.

Но мужчина не собирался сдаваться. Он небрежно отбросил отвергнутый цветок в сторону и, пританцовывая, последовал за Шэнь Чжинанем, восторженно вещая:

— Позвольте представиться, меня зовут Ли Дэн. Ли — как рассвет, Дэн — как свет фонаря.

— Я знаю, что тебя зовут Шэнь Чжинань, и сейчас ты одинок. Какое совпадение, я тоже свободен. Какая судьба, не правда ли? Может, сойдемся? — альфа по имени Ли Дэн продолжал болтать, не обращая внимания на молчание спутника. — Ты такой красивый, я такой статный, наши дети наверняка будут просто загляденье.

— Уйди! Я не хочу с тобой разговаривать, наглец! — Шэнь Чжинань ускорил шаг. Он огляделся по сторонам: вокруг не было ни души, даже патрульные дроны, которые до этого попадались на пути, куда-то исчезли.

Шэнь Чжинань почувствовал неладное. Он опустил взгляд и коснулся коммуникационного браслета, но тот не подавал признаков жизни.

Это было поместье генерала Хиггса. Шэнь Чжинань не хотел связывать эти странности с альфой, идущим рядом, но ему стало по-настоящему страшно.

Ли Дэн продолжал болтать без умолку:

— Ну почему же наглец? Прими мою искреннюю и пылкую любовь, мой прекрасный омега. Неужели ты хочешь всю жизнь провести в этой дыре и не желаешь взглянуть на другие звездные системы? Поехали со мной, малыш, стань моим омегой, моей женой, и я клянусь, что буду беречь тебя. Ты самый красивый омега из всех, кого я видел! Я влюбился в тебя с первого взгляда, мой милый Наньнань!

— Псих! — Шэнь Чжинань бросился бежать, громко взывая о помощи: — Помогите! Сюда! Кто-нибудь, спасите!

— Здесь нет никого, кто мог бы тебя спасти. Не беги так быстро, дорогой, я боюсь, что ты упадешь!

Ли Дэн с улыбкой наблюдал за бегущей белоснежной фигуркой и щелкнул пальцами. Маленькая огненно-рыжая лисица выскочила из-за его спины, на лету начала расти, а ее хвост

разделился на девять.

Приземлившись, она превратилась в огромную девятихвостую лису, преградившую Шэнь Чжинаню путь.

— Прости меня, Наньнань, сегодня у нас нет времени на игры в прятки. Мы сможем продолжить дома, — Ли Дэн предавался приятным фантазиям. — Правила игры просты: если я тебя поймаю, ты будешь принадлежать мне, а потом родишь мне детей.

Девятихвостая лиса с рыжей шерстью была высотой с этаж. Шэнь Чжинань остолбенел, глядя на это чудовище, и внезапно осознал, что это зверь-спутник того самого альфы, причем прошедший эволюцию.

— Пошли, Наньнань, хочешь прокатиться на лисе? Давай, я подсажу тебя, — Ли Дэн в два счета оказался рядом с ним. Но стоило ему протянуть руку, как он заметил черную змейку, выглядывающую из рукава Шэнь Чжинаня.

В его глазах на мгновение мелькнула серьезность. Ли Дэн быстро отдернул руку и отступил на несколько шагов, тяжело вздыхая:

— Надо же, только встретил красавца, который заставил мое сердце биться чаще, как тут же кто-то решил составить мне конкуренцию.

— Мы еще увидимся, Наньнань, не забывай меня, пока! — Ли Дэн подмигнул ему, и вместе со своей лисой исчез в ближайших зарослях.

Шэнь Чжинань был сбит с толку таким внезапным появлением и столь же быстрым уходом. Он развернулся и поспешил обратно.

Кто знает, ушел этот странный тип на самом деле или нет?

Поскольку коммуникатор не работал, Шэнь Чжинань надеялся лишь как можно скорее найти Цзян Мэншаня.

Цзян Мэншаня он не нашел, зато на полпути столкнулся с тем, кого видеть совсем не хотел.

Когда внезапно появился Фэн Нянь, Шэнь Чжинань лишь спустя секунду понял, кто перед ним.

В отличие от самого Шэнь Чжинаня, любившего светлые тона, особенно белый, Фэн Нянь в его памяти всегда носил темную одежду. Поэтому, когда перед ним возник Фэн Нянь в белом костюме, он не сразу узнал его.

Стоит ли рассказывать Фэн Няню о том, что только что произошло? Шэнь Чжинань потратил на раздумья всего секунду и решил промолчать. Он не хотел иметь с Фэн Нянем ничего общего.

Шэнь Чжинань попытался сделать вид, что Фэн Нянь — пустое место, но не успел пройти и пары шагов, как тот окликнул его.

— Здесь чувствуется странный феромон альфы. С кем ты только что встречался? — Фэн Нянь остался верен себе, с той же кислой миной, будто ему все вокруг были должны по миллиарду.

Шэнь Чжинань проигнорировал его и пошел дальше.

Фэн Нянь нахмурился, развернулся и широким шагом преградил ему путь:

— Я тебя спрашиваю.

— А если ты спрашиваешь, я обязан отвечать? — Шэнь Чжинань с отвращением взглянул на него и попытался обойти.

— Шэнь Чжинань, это тот самый альфа, с которым ты изменял мне? — холодно бросил Фэн Нянь ему в спину.

Шэнь Чжинань остановился, услышав, как Фэн Нянь продолжает:

— У него даже не хватает смелости показаться на людях, он осмеливается встречаться с тобой только в лесной глуши. Это тот самый альфа, которого ты выбрал и который должен тебя защищать?

— Кого я выбираю — какое тебе до этого дело? — Шэнь Чжинань резко обернулся, его голос дрожал от гнева. — Не забывай, мы развелись. Если Цзян Юэин узнает, что ты, будучи в разводе, продолжаешь преследовать бывшую жену, она будет так огорчена. Фэн Нянь, ты не должен вечно заставлять омег вокруг себя страдать.

— Ты переживаешь за нее? — в глубине глаз Фэн Няня промелькнуло сложное чувство. Он опустил взгляд и сменил тон: — Я уже говорил тебе, между мной и Цзян Юэин ничего нет, мы чисты. Даже после развода с тобой я не собираюсь заводить с ней никаких отношений.

— О, и что с того? Какое мне дело до твоих отношений с ней? — Шэнь Чжинань не горел желанием слушать оправдания Фэн Няня.

Обычно Фэн Нянь был немногословен, но сегодня вел себя совершенно нетипично, болтал без умолку, причем говорил вещи, которые Шэнь Чжинаню были глубоко неприятны.

— Если ты ищешь другого альфу, то хотя бы найди того, кто не боится показаться на людях. Иначе другие альфы будут считать, что ты все еще свободен, и у них появятся на твой счет нехорошие мысли.

Шэнь Чжинань перестал понимать Фэн Няня. Что это значит? Вдруг почувствовал вину после развода?

Он нес какую-то чушь, словно заботился о нем.

Хотя именно Фэн Нянь был тем альфой, который обращался с ним хуже всех.

— Кто угодно имеет право говорить мне подобное, но только не ты. Мы развелись, так давай притворимся, что для нас обоих другой человек умер, хорошо? — процедил Шэнь Чжинань. — Хватит притворяться добряком. Ты же ненавидишь меня до глубины души, а теперь несешь эту чушь, якобы ради моего блага. Это вызывает тошноту.

Тошноту.

Просто невыносимо.

— Сяо Нань, — из-за деревьев вышел Цзян Мэншань. Он мельком взглянул на Фэн Няня и кивнул в знак приветствия.

— Господин министр! — Шэнь Чжинань бросился к Цзян Мэншаню, как к спасительному кругу, больше не взглянув на Фэн Няня.

Глядя на удаляющиеся фигуры, Фэн Нянь не дрогнул лицом, но пальцы его руки, сжатые в кулак, едва заметно подрагивали.

— Молодой альфа с красными волосами, зверь-спутник — девятихвостая лиса, — Цзян Мэншань кивнул, его лицо оставалось бесстрастным. — Хорошо, я понял.

Шэнь Чжинань рассказал ему о случившемся, но реакция Цзян Мэншаня была слишком спокойной. Шэнь Чжинань не мог понять, то ли дело пустяковое, то ли у министра такой характер: даже если наступит конец света, он и бровью не поведет.

— Господин министр, вы знаете, кто этот Ли Дэн? Стоит ли сообщить генералу Хиггсу? В конце концов, это произошло в его поместье.

Они сидели за небольшим столиком, и те, кто пытался подойти, чтобы поприветствовать министра, тут же пресекались его охраной.

— Нет нужды, — покачал головой Цзян Мэншань.

Раз уж сам Цзян Мэншань так сказал, Шэнь Чжинань не стал настаивать. В конце концов, это не те вопросы, о которых ему стоило беспокоиться.

Пусть профессионалы занимаются профессиональными делами.

Только он об этом подумал, как услышал низкий голос Цзян Мэншаня:

— Нужно ли мне проводить вас отдохнуть? Прошу прощения, что подобное произошло с вами. Это моя недоработка, я доложу об этом Его Величеству.

Шэнь Чжинань покачал головой:

— Я в порядке. Не нужно меня провожать, я хочу остаться на отборочный тур турнира боевых искусств. Что касается извинений — господин министр, вам не за что извиняться. Это не ваша вина, никто не мог предположить, что в поместье генерала Хиггса появится такой странный человек. Да и я сам ушел, не предупредив вас...

Он опустил взгляд на коммуникатор. Тот снова работал исправно, но Шэнь Чжинань вдруг осознал: кроме этого холодного, делового министра, ему было не с кем поделиться случившимся.

Отец болен — расскажешь, только расстроишь его.

Брат и сестра за эти годы взвалили на себя слишком много обязанностей и долгов. Шэнь Чжинань никогда не жаловался им на холодное обращение в доме генерала, не станет и сейчас.

Цзян Мэншань, долго молчавший, вдруг произнес:

— Я уже распорядился провести расследование. Пожалуйста, не волнуйтесь. Если вам не по себе, я буду находиться неподалеку.

— А, хорошо, спасибо, — Шэнь Чжинань чувствовал тяжесть в груди. — Я больше не буду отходить так далеко.

Цзян Мэншань лишь взглянул на него и, больше ничего не сказав, молча пригубил вино.

Разговаривать с таким молчаливым человеком — задача не из легких. Шэнь Чжинань тихо вздохнул.

— Смотрите, этот бесстыжий омега Шэнь Чжинань опять охмуряет министра Цзяна. И не думает ведь, какое положение занимает господин министр! Как семья Цзян могла позволить войти в свой круг омеге, которого выгнали из дома за измену! Просто верх наглости! — омега, наблюдавший за Шэнь Чжинанем, скрипел зубами от злости.

— Чем он лучше тех продажных тварей, что торгуют телом? Посмотрите на его роскошный флаер, на те драгоценности — неизвестно, с каким количеством альф ему пришлось переспать, чтобы это получить! — ядовитые сплетни лились рекой.

— Интересно, кого он подцепил после того, как его выставили из дома генерала? Наверняка какого-нибудь старого и уродливого альфу или бету. Только такие толстосумы готовы тратить деньги на омегу с такой подмоченной репутацией.

— Как услышишь такое, так сразу и роскошный флаер, и украшения перестают казаться завидными. Честное слово, если бы мне пришлось спать со старым хрычом, я бы лучше умер!

Компания дружно рассмеялась. Они уже решили для себя, что Шэнь Чжинань продался какому-то старику, чтобы позволить себе такие наряды и драгоценности.

— А почему сегодня не видно никого из семьи Фэн? Помню, тот омега из семьи Фэн вечно задирали Шэнь Чжинаня. Жаль, я бы хотел посмотреть, как они сразятся!

— Ты совсем отстал от жизни. Семья Фэн перешла дорогу кому-то влиятельному, их вышвырнули из Имперской столицы еще недавно.

Говоря о семье Фэн, омега нервно отпил из бокала для храбрости и продолжил:

— Сначала выслали только двух братьев, но потом всю семью вымели отсюда.

Все переглянулись. Семья Фэн была не последним родом в столице, а тот капризный омега по статусу был выше многих присутствующих.

Никто не слышал, чтобы они с кем-то ссорились, но вся семья внезапно исчезла из столицы, а сами они хранили гробовое молчание и в ту же ночь переехали на другую планету.

В поместье генерала Хиггса повсюду звучал смех, кроме одного места.

Шэнь Чжинань никогда не чувствовал, что время тянется так медленно. После обсуждения инцидента Цзян Мэншань застыл, как дышащая статуя.

О чем говорить — непонятно, а молчать — слишком душно.

Почувствовав неловкость Шэнь Чжинаня, Цзян Мэншань медленно произнес:

— Вы можете пообщаться с другими гостями. Я не люблю болтать и не люблю шум.

Шэнь Чжинань бросил взгляд на толпу, которая то и дело поглядывала в его сторону, и начал вертеть в руках бокал:

— Кроме тех альф, здесь никто мне не рад.

Цзян Мэншань посмотрел на него, губы его дрогнули, словно он хотел что-то сказать, но в этот момент громогласный, восторженный голос генерала Хиггса прогремел на весь зал.

— Друзья! Мои друзья! У меня для вас невероятная новость! Сегодняшний день станет самым почетным в моей жизни! Великий император Галактической Империи вскоре почтит своим присутствием наш чайный прием! Все, живо за работу!

Генерал Хиггс сиял, он был вне себя от возбуждения.

Император Галактической Империи много лет не посещал подобные мероприятия, и до этого не было ни слуху ни духу о том, что он лично приедет в поместье Хиггса.

Гости буквально обезумели. Кто-то приводил в порядок одежду, кто-то поправлял макияж.

Официанты метались по залу, в спешке переставляя мебель, раскатывая длинные красные ковровые дорожки, сталкиваясь друг с другом в суматохе.

Даже оркестр, вдохновленный всеобщим рвением, заиграл в ускоренном темпе.

Шэнь Чжинань чувствовал себя так, будто смотрит фильм, поставленный на ускоренную перемотку.

— Император прибыл! Смотрите, это его личный флаер, Черный дракон!

— Какое величие... Не знаю, доведется ли мне когда-нибудь ступить на борт Черного дракона... Если бы это случилось, я бы умер счастливым.

— Ну как, я хорошо выгляжу? Я сейчас сойду с ума! Скоро я увижу Его Величество собственными глазами! Это, может быть, единственный шанс в моей жизни! Мне кажется, я сплю!

Когда в небе показалась огромная черная махина, гости в поместье Хиггса пришли в экстаз.

Они могли быть богатейшими аристократами столицы или влиятельными чиновниками, в глазах обычных людей они были недостижимой элитой, но перед лицом высшего правителя империи у них не было ни единого шанса даже взглянуть на него.

Сегодняшняя возможность увидеть Хуа Цяньшуана хотя бы издалека стоила того, чтобы хвастаться этим всю жизнь.

Шэнь Чжинань понимал, что значит Хуа Цяньшуан для Империи, и знал, что он является объектом всеобщего поклонения.

Но знать — одно, а видеть своими глазами — совсем другое.

Шэнь Чжинань сцепил руки перед собой и украдкой подумал: император, которого вы не можете даже увидеть, на самом деле — мой альфа.

Эта мысль была немного тщеславной, но Шэнь Чжинань не считал себя высокоморальным

человеком, и эта мысль приносила ему тайное удовольствие.

Шэнь Чжинань, какой же ты тщеславный маленький омега.

Пока он мысленно подшучивал над собой, с Черного дракона вертикально опустились несколько лучей света.

Высокий, статный мужчина стоял впереди, подобно острому, несокрушимому клинку, излучая подавляющую ауру и холодный блеск.

— Приветствуем Его Величество!

— Слава Императору!

Все как один, отбросив шутки и смех, сменив их на выражения почтения, обожания или фанатичного восторга, склонили головы, предлагая своему основателю империи самое искреннее подчинение.

Шэнь Чжинань впервые видел Хуа Цяньшуана, которого все почитали как бога.

Он склонил голову, как и все остальные, и услышал ровный, глубокий голос Хуа Цяньшуана:

— Поднимитесь.

Этот строгий и приятный голос когда-то шептал ему на ухо ужасные вещи: Я заставлю тебя плакать.

Божество на троне, казавшееся бесстрастным, на самом деле имело скрытую от всех злую и властную сторону.

Видел ли кто-нибудь, кроме него, такого Хуа Цяньшуана?

Сердце Шэнь Чжинаня забилося быстрее. Он поднял голову и посмотрел на далекого императора. Генерал Хиггс уже суеился впереди, а за ним выстроились самые знатные гости.

Если Хуа Цяньшуан не заметит его, то это и есть расстояние между ними.

Возможно, ему посчастливится увидеть императора издалека, но никогда в жизни он не сможет преодолеть огромную классовую пропасть и оказаться рядом с ним.

На душе стало пусто. Шэнь Чжинань смотрел на Хуа Цяньшуана, окруженного толпой, и не знал, заметил ли тот его. Ведь он так далеко... Но в глубине души он все же надеялся, что его альфа выделит его из этой толпы.

— Я выберу одного омегу, который будет сопровождать меня на отборочном туре турнира боевых искусств сегодня, — голос Хуа Цяньшуана был негромким, но, как ни странно, его отчетливо слышал каждый присутствующий.

И даже с такого немалого расстояния Шэнь Чжинань почувствовал, как взгляд Хуа Цяньшуана устремился прямо в его сторону.